

В СТОРОНЕ ПРУСТА

Моей родине - русскому Ташкенту

Домой возврата нет.
Томас Вулф

Можно по-разному относиться к местам, связанным с памятью великих людей давнего и недавнего прошлого - и благоговейное их почитание, и нарочитое к ним пренебрежение ("только не возите меня по разным могилам" - Н. Берберова) по-своему оправданны. У пишущего эти строки никогда не вызывали особого доверия ни пушкинские, ни тургеневские, ни даже толстовские, не говоря уже о Достоевских, места - что-то из них ушло и вместе с их обитателями, и с их, "когда-тошней" Россией (исключение - клинская усадьба Чайковского с ее столом, за которым была написана Патетическая симфония: сразу чувствуешь удар в сердце, в горле комок, и слезы бегут сами собой). А переустроенные в советские годы по корпоративно-номенклатурному признаку кладбища типа московского Новодевичьего или петербургского Волкова ничего, кроме резкой неприязни, вызывать не могут. Именно благодаря им могилы "великих" в России я посещаю крайне редко.

Впрочем, скажем, и на парижский Пэр Лашез меня вторично пока не тянет. В свое время я "нанес визиты" Элоизе и Абеяру, м-ль Рашель, Шопену, Бальзаку, Уайльду, Аполлинеру, А. Дункан, Р. Радигэ, но присутствия их душ в этом музезированном, хотя, к счастью, и не реконструированном "городе мертвых" я не ощутил. Каюсь, никакого волнения не испытал я там и у могилы Пруста: в отличие от Бодлера на Монпарнасе или Нижинского на Монмартре, он на Пэр Лашезе отсутствовал.

Между тем, я наносил не простой "визит вежливости". Для меня Пруст не только "предмет занятий", а "иная, по счастью, статья". Вместе с "Подземельями Ватикана" Андрэ Жида он неожиданно вторгся в мою жизнь подростка позднесталинской эпохи, смешал ее представления, увел за собой. Со временем я дал себе слово совершить два паломничества - к Жиду (он был еще жив в 1950 году, когда я впервые прочитал его, "проклятого Кремлем", но Париж был тогда почти так же недосыгаем, как Луна) и к Прусту. Что касается Жида, то на сей день мне удалось побывать лишь на улице Вано, 1 бис, где он жил в 1928-1951 гг., и поездка в Кювервиль в Нормандии, к месту его последнего упокоения, все еще впереди. Ни одна же из прустовских квартир в Париже, как известно, не уцелела, и после посещения Пэр Лашеза мне не оставалось ничего другого, как отправиться в городок Иллье, где прошли летние месяцы детских лет Пруста и который он обессмертил под названием Комбрэ в своем цикле романов "В поисках утраченного времени" (с 1971 года Иллье стал официально именоваться Иллье-Комбрэ).

Все мои предубеждения против "памятных литературных" (и иных) мест мигом рассеялись, когда я в конце мая прошлого года впервые вступил на землю Иллье (департамент Эр-э-Луар, в 22 км к юго-западу от Шартра). У меня было очень мало времени: кроме Иллье, надо было на обратном пути посетить Шартр с его прославленным собором и поспеть не к самому позднему парижскому поезду (сообщение Парижа с Шартром не слишком частое, а Шартра с Иллье еще реже). Тем не менее я прошелся по городку, побывал в музее "Дом тети Леонии" и на выставке "Лукино Висконти в поисках Пруста" в отделении банка "Сельскохозяйственный кредит", обещав себе при первой возможности вернуться сюда снова. Залогом этой новой встречи стало мое вступление в "Общество друзей Марселя Пруста и друзей Комбрэ". Основанное в 1947 году, оно ставит своей целью пропаганду творчества Пруста, издает ежегодный бюллетень, содержит музей "Дом тети Леонии" и проводит ежегодные коллоквиумы. Сентябрьский коллоквиум 1997 года (к 75-летию со дня смерти Пруста 18 ноября) и стал поводом для моего нового посещения Иллье-Комбрэ.

Летом я долго отсутствовал у себя в Нюрнберге, и потому приглашение попало ко мне в руки за неделю до намечавшегося на 7 сентября мероприятия, когда посылать переводом складчину на банкет по случаю коллоквиума было уже поздно, и мне пришлось скоропалительно выехать в Париж, чтобы отправиться в Иллье самолично 4-го, в последний день записи. Все сложилось наилучшим образом, я быстро сделал свои дела в музее и затем более или менее неспешно побродил по Иллье. Забегая вперед, скажу, что 7 сентября завтрак в ресторане "Ле Флоран" и коллоквиум в помещении музея прошли довольно приподнято, доклады, посвященные эпизоду смерти писателя Бергота в романе "Пленница", с медицинской (Доминик Мабен) и литературной (Анн Боррель) точек зрения, представляли немалый интерес, а новые работы музея - восстановленный дворовый фасад "Дома тети Леонии" и перекомпонованная выставка "Мир Пруста в фотографиях Поля Надара" (и то, и другое по проектам аргентинского художника Роберто Лльоренса) как бы вдохнули в него новую жизнь. Прибавилось и экспонатов: в музей поступила мебель "красной гостиной" деда и бабки Пруста с материнской стороны. И все же главный интерес поездки лежал для меня по ту сторону музейных стен. Я упивался атмосферой Иллье, со сладостным удовлетворением отмечал черты "местного колорита", знакомые по "Поискам утраченного времени", вживался в опьяняюще застойное (несмотря на обилие шныряющих по узким улочкам машин) бытие провинции. Тысячу раз был прав Пруст, когда говорил: "Совсем не те места, где родился великий человек, где он умер, надо посещать, дабы почтить его, а те, что восхищали его больше других...", "...к которым он обращался в поисках своей мысли и где она еще пребывает". Парижанин по рождению, увидевший свет в парижском квартале Отэй, юный Марсель неоднократно проводил каникулярное время в Иллье вместе с родителями и младшим братом Робером. Впоследствии эта пленительная страна детства оживет под названием Комбрэ в первом романе его цикла "В поисках утраченного времени" - "По направлению к Свану". Первое впечатление от городка - его вид издали и сегодня довольно точно совпадает с описанием Пруста: "Издали, на расстоянии десяти миль, когда, подъезжая на Страстной к Комбрэ, мы смотрели из окна вагона, нам казалось, будто город состоит только из церкви, которая вобрала его в себя, которая его представляет, которая говорит о нем и от его имени далям, а вблизи - будто Комбрэ, как пастух овец, собирает в поле, на ветру, вокруг своей длинной темной мантии, лежащие один к одному дома с серыми шерстистыми спинами, обнесенные полуобвалившейся средневековой стеной..." (перевод здесь и далее Н. М. Любимова). Выйдя из поезда или из автобуса, который приходит из Шартра на вокзальную площадь, мы направляемся к городу по авеню Жоржа Клемансо (в эпоху прустовского детства оно называлось Вокзальным бульваром и вместо нынешних платанов было усажено липами). В конце XIX века здесь находились самые красивые виллы города, в настоящее время главная достопримечательность авеню - коллеж Марселя Пруста, постоянно окруженный стайками школьников. Дойдя по авеню до Шартрской улицы, мы поворачиваем по ней направо и почти сразу же замечаем церковь св. Иакова (Сен-Жак) с ее колокольней: до Рыночной площади, на которую она выходит своей боковой стороной, рукой подать. Древнейшая церковь, существовавшая на этом месте, была разрушена во время Столетней войны, и в нынешнем своем виде была восстановлена во второй половине XV века щедротами Флорана, сеньора Иллье (его изображение можно видеть на витраже XIX века по правую руку от входа; у Пруста он стал Жильбером Дурным, а церковь названа церковью св. Илария). В "По направлению к Свану" Пруст неоднократно возвращается к образу комбрэйской церкви, дополняя его все новыми и новыми штрихами и утверждая в конце концов, что в ней было воплощено самое существо церковного здания: "...однажды, свернув с одной провинциальной улочки, я увидел на перекрестке трех переулков обветшавшую высокую-высокую стену с пробитыми в ней вверху окнами, столь же асимметричную на вид, как и абсида в Комбрэ. И тут я не спросил себя, как в Шартре или в Реймсе, насколько сильно выражено в ней религиозное чувство, а лишь невольно воскликнул: "Церковь!"



*Комбрэйская церковь. Фото Мих. Толмачёва
© М. В. Толмачёв*

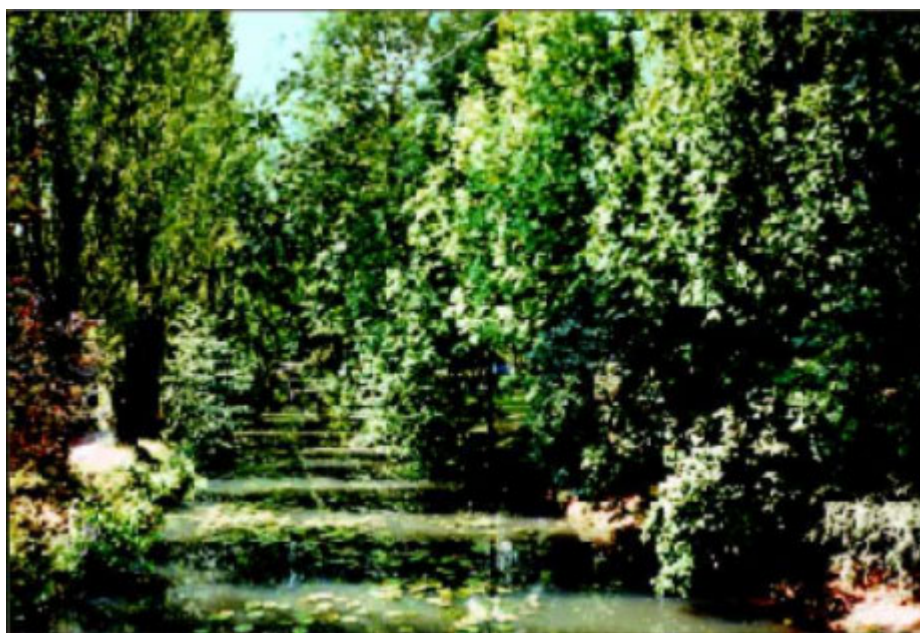
Миновав Рыночную площадь с церковью св. Иакова, мы по покато́й улочке Леона Феррэ доходим до ее пересечения с улицей Доктора Пруста (прежде та ее часть, что налево, называлась улицей Белой Лошади - Шеваль Блан, направо - Святого Духа, Сент-Эспри).

На улицу Белой Лошади выходит задний фасад дома, где родился Адриен Пруст (1834-1903), отец писателя, известный гигиенист, член Академии медицины, инициатор первого санитарного противохолерного кордона. В память Адриена Пруста и названа улица, а также установлен бронзовый барельеф на доме № 15, который лицевым своим фасадом выходит на Рыночную площадь под №11. Владельцами его были дед и бабка Пруста с отцовской стороны, они вели торговлю бакалеей и галантереей, производили воск, мед, свечи, шоколад. Кроме отца Пруста, у них была еще дочь Элизабет (1828-1886), вышедшая замуж за владельца лавки модных товаров Жюля Амио (Рыночная площадь, 14). Большая часть ее жизни прошла в Иллье, в доме № 4 по улице Святого Духа (ныне улица Доктора Пруста по правую руку от улицы Леона Феррэ). В этом доме семья Адриена Пруста проводила вакации вплоть до смерти г-жи Амио, а сама она, наряду со своей матерью, бабушкой Пруста с отцовской стороны, послужила прототипом для персонажа тети Леонии в "По направлению к Свану". Ее внучка Жермена Амио принесла дом в дар Обществу друзей Марселя Пруста и друзей Комбрэ, открывшему здесь музей "Дом тети Леонии", организующему временные выставки и ежегодные коллоквиумы. Посетители входят в музей не с улицы Святого Духа, а сзади, с улицы Трех Марий (саду в последнее время был возвращен тот вид, который он имел при супругах

Амио). По левую руку от входа виден садовый трельяж, за ним помещение, описанное Прустом как "маленькая гостиная" в доме двоюродной бабушки (в "По направлению к Свану" у нее, а не у тети Леонии гостит Марсель со своими родителями). По правую руку - бывшая теплица, а за ней примыкающая к дому, но несколько ниже него и потому кажущаяся отдельной пристройкой кухня, к которой ведут две ступени. В целом сад скромных размеров, и вряд ли стоит отождествлять его, как это делается, с вымышленным садом двоюродной бабушки, по которому "делала круги" бабушка рассказчика "Поисков". Но вот войдя в дом, постояв у поднимающейся довольно круто вверх лестницы, поднявшись затем по ней, трудно отделаться от впечатления, что находишься не в "доме тети Леонии", а в "доме двоюродной бабушки", на лестнице, по которой взбирался маленький Марсель, лишившийся из-за присутствия гостей ежевечернего материнского поцелуя: "Эта ненавистная мне лестница, по которой я всегда так уныло взбирался, пахла лаком, и ее запах до известной степени пропитывал и упрочивал ту особенную грусть, которую я испытывал..."



В стороне Свана. Фото Мих. Толмачёва
© М. В. Толмачёв



Кувшинки Вивонны. Фото Мих. Толмачёва
© М. В. Толмачёв

По одну сторону от лестничной площадки первого (русского второго) этажа находится, окнами на улицу Св. Духа, столовая; по другую, окнами в сад, кухня. Обшитая деревом столовая производит немалое впечатление, особенно когда лучи заходящего солнца играют на темноватых панелях стен и паркете, но интерьер ее в "Поисках утраченного времени" не присутствует (мы найдем его в раннем неоконченном романе Пруста "Жан Сантей" и в его предисловии к переводу книги Рескина "Сезам и лилии"). Зато кухня как бы перекочевала в дом со страниц "По направлению к Свану": "Ее красный плиточный пол блестел, точно порфиновый. Кухня была похожа не столько на пещеру Франсуазы, сколько на храм Венеры"; "...произведения кулинарного искусства приготавливались в кухонной посуде, в состав которой входили большие чаны, котлы, чугуны, сковороды для жаренья рыбы, миски для дичи, формы для пирожных, горшочки для сливок и целый набор кастрюль любого размера". Здесь бесспорно витает дух Франсуазы, одного из самых удивительных и неповторимых типов, созданных Прустом.

В не меньшей степени соотносится с романом и "комната тети Леонии" (впрочем, интерьер ее был восстановлен по описанию в "По направлению к Свану"): "К тетиной кровати были придвинуты большой желтый, лимонного дерева, комод и стол, служивший одновременно домашней аптечкой и престолом: здесь, подле статуэтки Божьей матери и бутылки виши-селестен, лежали богослужебные книги и рецепты - все, что нужно для того, чтобы, не вставая с постели, соблюдать и устав, и режим, чтобы не пропускать ни приема пепсина, ни начала вечерни". Устроители музея много сделали для воссоздания подлинной атмосферы комнаты, все в ней, вплоть до бутылки минеральной воды "Виши", "настоящее", относящееся к последней четверти XIX века, если и не принадлежавшее непосредственно г-же Амио. В то же время, "воскрешение" комнаты Марселя (напротив комнаты тети Леонии, окнами в сад) удалось в меньшей степени: роман содержит мало деталей (в основном говорится о волшебном фонаре), и потому живой убедительности явно не хватает.

Но и в целом, повторю, основной интерес "прустовского паломничества" не в "доме тети Леонии", а в самом Иллъе-Комбрэ. Если бы не некоторые, чисто внешние приметы современности, можно было бы сказать, что здесь остановилось время. По крайней мере, это относится к комбрэйским ландшафтам, как естественным, так и искусственным, созданным рукой человека, к последним, возможно, даже по преимуществу: я имею в виду сад "Кателанский луг", Прэ Кателан, расположенный в юго-западной части Иллъе, за речкой Луаром (Вивонна в "Поисках утраченного времени").

Сад этот был разбит мужем Элизабет Пруст ("тети Леонии") Жюлем Амио и назван им в честь известного парка в парижском Булонском лесу. Нигде, пожалуй, атмосфера *belle époque* не заявляет о себе с такой непреложностью, как здесь: природа гедонистически преображена, она становится объектом гурманства, нам предлагают отведать ее как роскошный торт, над которым немало потрудились мастера своего дела. Они продолжают свой труд и по сей день: объявленный в 1946 году литературным заповедником, сад был в 1962 году приобретен городом Иллъе, тратящим большие средства на его поддержание. И, конечно же, внимание уделяется не только изыскам дяди Амио, но и тому, что волновало его великого племянника: вдоль ограды, тянущейся от Луара вверх по склону холма, высокие, выше человеческого роста кусты боярышника, "те самые", воспетые Прустом. В "По направлению к Свану" сад стал парком Тансонвиля, усадьбы Свана, хотя сам Тансонвиль находится в 2 км к юго-западу от Иллъе-Комбрэ, и в него можно попасть выйдя из верхней белой калитки Кателанского луга. Это и будет "направлением к Свану". "Дело в том, - пишет Пруст, - что в окрестностях Комбрэ было два "направления" для прогулок [...]: к Мезеглиз-ла-Винэз, которое иначе называлось "направлением Свана", так как дорога здесь проходила мимо его имени, или [...] к Германту. [...] Мой отец всегда говорил о направлении в Мезеглиз как о самой красивой долине, какую он когда-либо видел, а о направлении в Германт - как о характерном речном пейзаже, и они

представлялись мне двумя разными сущностями..." Действительно, можно говорить как о "разных сущностях" о тех видах, которые открываются в каждом из двух "направлений". Равнина, тянущаяся к Тансонвилю, внешне неживописна, проста, непритязательна, но найдет путь к сердцу всякого, кому под любыми небесами природа дорога "в наготе своей смиренной". Извивы же Луара напомнят слегка манерные строки Пруста о кувшинках Вивонны, декоративные панно позднего Монэ, музыку Франсуа Куперэна, Дебюсси - здесь у природы иная, "аристократическая" эстетика: речушка течет из края "меровингского прошлого", Германта...

Быстро промелькнули часы, проведенные в Иллье-Комбрэ. Иногда кажется, что это приснившийся трижды сон (про Шартр так почему-то не думаешь). Достоешь пачку отснятых фотографий. Пересматриваешь. Сюда надо еще раз вернуться. Непременно.

В памяти откуда-то всплывают строчки: "Quand les lilas refleuriront, / Dans ce pays nous reviendrons" (Вернемся мы сюда с тобой, / Когда сирень вновь расцветет). Конечно же, и сирень, и боярышник.

Сентябрь 1997 г.
Иллье-Комбрэ - Нюрнберг